

Автор Владимир Савич.

Название

Шпилька

Жанр

Социальная драма

Формат

Полнометражный фильм

Количество серий

Одна серия

Хронометраж

120 минут

Целевая аудитория

Без возрастных
ограничений.

Логлайн

Однажды подающего надежды скрипача вызвали в органы КГБ и жизнь его кардинальным образом перевернулась. На карьере скрипача была поставлена точка. Жизнь сложилась не так, как она рисовалась в нее начале.

Главная тема

Человеческие отношения в нелегкие времена истории.

Идея фильма

«Береги честь смолоду»

Слоган

«Выбор всегда за тобой»

Главные герои фильма

Тимур Благодоров — интеллигентный молодой человек, на которого можно и стоит равняться зрителю фильма.

Шпильман — друг Тимура пианист с мировым именем интеллигентный обаятельный красивый человек способный на неординарные поступки.

Следователь КГБ Федор Петрович Иванов — «сапог» любящий брать под козырек, с хамскими повадками

и прозвищем "Зверь". Не следователь, а суший дьявол. Даже номер его кабинета состоит из трех шестерок.

Следователь КГБ Павел Иванович Игнатьев — средних лет человек с лицом праведника, душой грешника, играющего роль доброго следователя.

Юлия — симпатичная девушка, возлюбленная скрипача.

(Героев в фильме много, но в синопсисе они, чтобы не путать читающего, они не указаны)

Действия фильма происходят в разные исторические отрывки времени в СССР и наши дни.

Синопсис фильма

Молодой подающий большие надежды скрипач готовится к ответственному конкурсу. Однако накануне конкурса его неожиданно вызывают в комитет госбезопасности. Он приходит в здание КГБ. Дежурный объясняет куда ему следовать. Молодой человек идет по длинному, мрачному

коридору и останавливается возле двери с пугающим номером 666 Молодой человек входит в кабинет. Его встречает следователь с мирной фамилией Иванов и физиономией зверя. Следователь с порога набрасывается на молодого человека. Он обвиняет его в антисоветской деятельности и грозит большим сроком. Скрипач пытается защищаться, но это только больше распыляет следователя. Когда пик злобы доходит до своего апогея, злого следователя сменяет «добрый» Он объясняет скрипачу, что его вызвали в комитет, потому что он отличник, комсомолец. Комитет просит скрипача, как честного человека, своевременно сообщать о вредных речах и действиях студентов консерватории. Особенно, доброго следователя интересует подающий большие надежды пианист (лучший друг скрипача) о нем он просит писать, как можно подробней. Ведь пианист еврей. А от них можно ожидать все, что угодно. Если скрипач согласится сотрудничать, то комитет безопасности в свою очередь поспособствует ему в победе на конкурсе. На принятие окончательного решения следователь дает скрипачу сутки и отпускает домой.

Выйдя на улицу, скрипач садится на скамейку и начинает размышлять. В душе у него разгорается внутренний конфликт гамлетовского масштаба.

Писать доносы или не писать?

Наконец, он находит решение возникшей нравственной проблемы.

Скрипач приходит домой вытаскивает из ящика с инструментами туристический топорик и отрубает себе несколько пальцев на правой руке.

Тем самым освобождая себя от писания доносов и ставя жирную точку на карьере скрипача.

Скорая помощь отвозит молодого человека в больницу. Через несколько дней в палату к пострадавшему приходит злой следователь и начинает грозить скрипачу. Он приказывает ему молчать, по какой причине он отрубил себе пальцы или он, не смотря на инвалидность, поедет валить лес. Следователь приходит еще несколько раз, но видимо получив от начальства приказ, оставляет молодого человека в покое.

Выйдя из больницы, скрипач перевелся из консерватории в институт культуры. Вскоре, узнав причину, по которой скрипач отрубил себе пальцы, его бросает любимая девушка. Она объяснила это тем, что не намерена жить с идиотом инвалидом.

Пианист эмигрировал и пропал из жизни скрипача. Позже скрипач узнал, что он стал исполнителем

мировой величины, заполучить которого мечтают ведущие театры и музыкальные залы мира.

Прошли годы... скрипач стал директором театра оперы и балета. У него есть семья: жена и сын. Во всех инстанциях о нем говорят, как он великолепном человеке и прекрасном руководителе.

Жизнь удалась. Однако временами на него накатывают волны воспоминаний. Он фантазирует, как бы сложилась его жизнь, если бы не этот злосчастный вызов в комитет безопасности. Но заботы о театре, семье, родных и близких отгоняют эти мысли прочь и когда, кажется, что инцидент из прошлого навсегда забудется, в театр приходит высокий чин из ФСБ, но не затем, чтобы вновь просить несостоявшегося скрипача писать доносы. Он приводит в театр начальника охраны, объяснив появления нового работника усилением борьбы с терроризмом. В этом человеке директор узнает злого следователя из своего прошлого. Он заявляет, что он не возьмет его на работу, но высокий чин ФСБ, объясняет директору, что этот человек назначен ФСБ и ничего изменить нельзя. Фэсбэшный чин уходит. Злой следователь в новом образе начальника охраны остается. Директор театра игнорирует нового сотрудника, не здоровается с ним и всем видом выказывает ему свое презрение. Начальник охраны сам идет на

мировую и рассказывает директору о том, что многие из его друзей студентов доносили друг на друга, а на бывшего студента скрипача, стучал пианист Шпильман, который проходил в конторе под агентурной кличкой «Шпилька»

Не верить начальнику безопасности было нельзя, ибо он положил перед директором донесения, подписанные Шпильманом. Невозможно передать состояние директора, когда он узнал об этом. В тот день он впервые в жизни напился, что называется, в хлам.

Прошло время и в кабинете директора раздался звонок. Хозяин кабинета взял трубку и услышал в ней голос друга своей юности, а теперь пианиста с мировым именем. После обмена любезностями пианист предложил старому приятелю дать несколько концертов в его театре. Директор с удовольствием принял это предложение. Ведь такое имя сулило театру и стране солидную прибыль. Но не это было главное. Главным была возможность поквитаться с пианистом под агентурной кличкой «Шпилька» Через несколько дней выдающийся исполнитель приехал. После ошеломляющего концерта пианист с директором отправились, как старые добрые приятели, на дачу к директору. Там они выпили и долго (ведь они не виделись много лет) разговаривали «за жизнь» Уже глубоко за полночь директор отвел пианиста в гостевую, а сам

пошел в свою комнату. Однако он не лег в постель, а стал ждать, когда заснет его гость.

Спустя некоторое время хозяин дачи зашел в комнату к пианисту. Шпильман крепко спал. Директор театра положил его руку на табурет, который он принес собой. Вытащил из – за пазухи небольшой туристический топорик. Справедливость должна восторжествовать. Шпильман должен лишиться пальцев, как их лишился в свое время, подающий большие надежды молодой скрипач. Зуб за зуб, глаз за глаз, но в душе у директора вспыхнул внутренний конфликт шекспировского размаха. Что важнее совесть или месть. Месть кричала сильнее совести, чтобы заставить ее замолчать директора театра занес топор и отрубил себе оставшиеся у него на руке пальцы.

Конец

Режиссерский синопсис фильма. В нем подробно описаны, чувства и причины поступков героев, а также возможность ознакомиться с писательской манерой автора.

Тимура Благоднравова - студента консерватории по классу скрипки - вызвали в комитет государственной безопасности.

Следователь, к которому темным узким коридором направился Тимур, носил спокойную и миролюбивую фамилию - Иванов. Хотя у постоянных посетителей кряжистого здания КГБ, из окон которого (как шутили остряки) "хорошо был виден Магадан" - Иванов шел под прозвищем "Зверь". Не следователь, а сущий дьявол. Даже номер его кабинета состоял из трех шестерок.

В отличие от своих товарищей по ремеслу, придерживавшихся (хотя бы на предварительных допросах) интеллигентных методов, Иванов с ходу, как он говаривал, ломал подследственным рога.

- Без срока, как ты поминаешь, Благоднравов, ты от меня не выйдешь. Даже и не надейся! - пообещал Иванов еще не успевшему переступить кабинетный порог Тимуру.

За следовательским окном млел теплый

сентябрьский день. Попасть в такой день в острог представлялось плевком в лицо мирозданию.

- За что срок, товарищ... Я... что... Я... ничего... - Тимур принялся возводить защитную линию.

- Пиночет тебе товарищ, а я - гражданин следователь. Понял-нет, смычок!? - смял оборонительный рубеж подследственного тертый опер Иванов. - А за что срок, так тебе, лишенец, должно быть понятней моего. Компрометируешь звание советского гражданина. Раз.

- Якшаешься с представителями вражеских голосов и их подпевалами. Два.

- Я... Да... вы... Какие голоса... Какие подпевалы... Вы меня с кем-то путаете... - Благоднравов попытался удержаться на пошатнувшихся рубежах.

- Молчать, отщепенец! Тунеядствуешь - три.

- Я учусь. Выступаю с концертами в подшефных колхозах...

- Закрой рот, Моцарт хуев, четыре! Сегодня выступаешь, а завтра глядь уже

светит тебе статья, но не политическая, как ты здесь наивно полагаешь, а капитальнейшая УК 201 часть вторая - "злостное тунеядство". Я лично. Слышь ты? Лично! Охарактеризую тебя перед судом лет на пять не меньше. И пойдете вы, мосье Дали, в такие дали, что вы и не ожидали, - удачно скаламбурил Иванов. - Смякител? У меня твои буги-вуги роги-ноги... - Иванов бросил на стол фрагменты чьих-то художественных работ, - во где сидят! - Следователь постучал ладонью в области печени.

- Но это не мои! Я музыкант, а не художник... Вы меня явно с кем-то путаете...

- А мне до жопы. Твои, не твои. Тут, брат, важен результат! - Иванов окончательно смял защитные линии противника.

Но в эту минуту в кабинете зазвонил телефон.

- Как... Почему... Это не входит в разработку... - требования голоса на другом конце провода явно вызывали у

следователя сложнопостановочную реакцию, - кто... откуда... так точно... разрешите выполнять...

Закончив телефонный разговор, Иванов отвратительно хрустнул пальцами, закурил и неожиданно сменил градус вопроса.

- Закуривай, Тимур - Иванов протянул подследственному сигарету - поговорим по-мужски. По-доброму, так сказать...

Благонравову показалось, что это был не просто звонок, а какой-то удачный поворот молекул, атомов и всяких там протонов-позитронов в мироздании, в его пользу.

- Да, да, да.... конечно... поговорим... по-мужски... почему нет... я готов... хорошему... - прикуривая сигарету, пообещал Тимур. - Я вас-с-с вни...мате... льно слу...у...шаю.

- Ну, вот и отлично. Вот и ладненько. Ты успокойся, соберись. Не надо бояться черта раньше времени. Вы ж меня все за зверя держите... Ведь так? А я никакой не зверь. И зла тебе, парень, не желаю. Его, знаешь ли, Тимур, сам себе человек на свой зад находит. Он ведь как, человек, думает.

Вот он думает, борюсь я с властью. Как вы ее там называете? О! Софьей Власьевной! Фиги ей в кармане кручу. Письма на вражеские голоса пишу. Иду, одним словом, праведным путем... Оно, конечно, может и так. Только ты же должен знать, куда пути эти праведные ведут. На Колыму они ведут, Тимур, на Колыму. А она... Колыма эта, Тимурка, пострашней самого ада будет. Честное партийное слово даю. Я там два года сержантом в ВВ оттрубил. Так что сужу не понаслышке... И задача нашей организации и меня как ее представителя указать человеку, в данном случае тебе, куда может привести выбранная тобой скользкая дорожка. Пойми, Тимур, ты не прав. Хотя в принципе ты парень хороший. Я характеристики твои просмотрел. Комсомольскую анкету. Наш парень. Голову даю на отсечение - наш! Фамилия у тебя правильная. И имя наше - звонкое. Родители, поди, в честь Тимура назвали? Только вот незадача - не ту ты команду себе подобрал, парень. Прямо скажем, шушера, а не команда - спекулянты,

отщепенцы и шизофреники. Один этот, как его, Ште... - следователь запнулся и посмотрел в листок. - Шпильман чего стоит. Только я тебя прошу ради твоего же здоровья, не говори мне, что слышишь это имя впервые.

- Нет, не впервые. Я его хорошо знаю. Мы с ним вместе в консерватории учимся. Только он на фортепьянном отделении. Отлично знаю. Да что говорить, мы с ним с самого детства дружны! Его отец моим первым музыкальным учителем был...

- Ну, вот и молодец! - остановил перечисления Иванов. - Я ведь говорил, что ты наш парень. Советский! Все понимаешь. Всех знаешь. Если и дальше будешь так соображать, выйдешь отсюда переродившимся человеком. Новым, стало быть, человеком! Жизнь станет, Тимурка, лучше - жизнь станет веселей. Уж ты поверь, парень, слову бывалого чекиста.

- Ну, выйти от вас просто так невозможно, тем более, новым человеком. Вы же от меня чего-то потребуете взамен. Ведь так?

- Потребуем, но немного. Для начала я хочу, чтобы ты пересмотрел свое отношение к жизни. Вышел, так сказать, на магистральное направление. В этом кабинете не только судят, но и блюдут, так сказать, права человека и дают надежду. Понял-нет!? Надежду. Вот понюхай - Иванов сильно потянул ноздрями воздух. - Чуешь - нет, как ею тут пахнет.

На самом деле в Ивановском кабинете никакой надеждой не пахло, а несло такой тоской, бедой и безнадеей, перед которой даже запахи смерти казались просто верхом парфюмерной промышленности. Долго еще этот запах носила на себе одежда Т.Благонравова - вытертый джинсовый костюм "Wrangler", полосатый свитерок и помнившие времена "большого скачка" китайские кеды.

- И это все? - нервно кусая ноготь на указательном пальце правой руки, поинтересовался Тимур. - Если да, то даю вам слово, что с завтрашнего дня начну новую жизнь!

- Очень хорошо. Для первой, так

сказать, официальной части нашей с тобой беседы просто прекрасно, ибо твое обещание дает мне право надеяться на твое согласие во второй конфин..., короче, анальной части нашего с тобой разговора. Дело вот в чем, Тимур. Ты парень свой и я ходить вокруг да около не буду. Есть у нас материал на этого твоего... как его? - Следователь заглянул в бумаги. - Шпильмана. Так вот на квартире у этого Шпильмана собирается всякий там народец. Такой, знаешь, кучерявый, без роду и без племени. Тот, что хлебом не корми, дай только покуролесить, да воду помутить. Потом сами в сторону, а нам эту воду с тобой, Тимур, пить. Короче, есть у меня к тебе просьба, но ты ее рассматривай как поручение. В том смысле, что партия сказала - надо, комсомол ответил - есть. Ты ведь комсомолец?

- Ну да, - подтвердил Благодоров.

- Так вот, будет у меня к тебе, комсомолец Тимур Благодоров, такая просьба-поручение. Надо тебе, Тимур, за этими шпи.. жги... льманами понаблюдать.

Кто к ним ходит. О чем говорят. Чего замышляют. И обо всем услышанном и увиденном докладывать мне. Они ж, черти, дай им волю, атомную станцию подорвать могут. Известный народ воду в ступе мутить...

- В смысле, если в кране...

- А ты не смейся, Тимур. Ой, не смейся. У меня про этот народец интересные книженции имеются. Вот возьми, почитай на досуге. - Иванов придвинул к Т.Благонравову стопку тоненьких брошюр.

- Ну как, согласен? Пойми, это важно не лично мне, следовательно Иванову - это важно твоей Родине. Родина, Тимур, как и мать, у человека одна. Так разве ж мы позволим обижать всяким там космополитам нашу мать? Лично я не позволю. Ну, а ты решай сам. Сегодня ты Родине - завтра она тебе. Тут ведь скоро осенний набор, а в нем, может так случится, недобор. Значит, консерваторию надо будет на два года отложить ради святого конституционного долга! И не где-нибудь, а скажем, на магистральных

направлениях. А там мороз, братец ты мой, ого-го-ого-го. Шинелька слабенькая.

Перчаток не подвезли. А что ты думал?!

Солдат обязан стойко переносить все тяготы и лишения военной службы. И надо будет окоченелыми ручонками гайки крутить, гусеницы менять... Короче, через месяц кирдык твоим скрипичным пальчикам. Ну, да ничего...

переквалифицируешься на балалайку. А что - тоже народный инструмент! Ну как, согласен? Вижу, что согласен! Тогда вот тебе, брат, ручка, бумага - пиши. Я такой-сякой немазанный, домашний адрес. Ну, а дальше я продиктую...

- Как!? Вот так сразу и писать!? Но мне надо поговорить с матерью... самому все обдумать... может я не смогу... дайте хоть несколько дней.

- Ни, ни, ни... Говорить ни с кем не надо. Ни под каким предлогом. Это дело сугубо конфиденциальное. На думы, так и быть, даю день. Хотя, что тут думать! От дум, Тимур, голова пухнет, а у чекиста она должна быть светлой. Короче, завтра в

девять жду тебя у себя. В десять тридцать - в случае неявки - выписываю постановление на твой арест. Вот ордер. Осталось только вписать твои инициалы. И здравствуй, Колыма... Давай свою повестку - отмечу, а не то тебя уже сегодня отсюда не выпустят. - И следовательно Иванов хлопнул печатью, точно копытом ударил, по Тимуровой повестке.

- Что делать? Как быть? - С этими вопросами Тимур присел на скамейку в городском парке.

Сентябрьское солнце скрылось уже за верхушками деревьев. От небольшого пруда тянуло сыростью и плесенью. Где-то в глубине парка зловеще кричала неведомая птица. "Это конец! Это конец" - пробормотал, проходя мимо скамейки, неказистый гражданин и скрылся в парковых сумерках.

- Так что же все-таки делать? Написать нельзя - "прогрессивная общественность" осудит, и не писать нельзя - Иванов засудит. Укатает сивку за бугры годиков на

восемь. Кранты музкарьере. Да что-там карьере. Жизни капут. Что я буду через восемь лет!? Сгорбленный, чахоточный старик. Вот что я буду! Ну, а если соглашусь. Тогда кто я буду в глазах того же Шпильмана? Ведь я, считай, вырос в его семье. Его отец меня на инструменте учил играть. Ойстрах, говорил. Чистый Ойстрах растет! Это ведь он обо мне говорил. Да он же мне не только учителем, он же мне вместо отца и был. Мой же папик черт его знает где... собакам сено косит. - - Потом сестра мне Шпильмановская нравится. Все мне ее в жены прочат. А что - приличная партия. И кто я буду, узнай они, что я на них доносы писал. Сукой последней я буду. Стукачом! А дети, что скажут дети о таком папаше. Это ведь все равно как шило в мешке - не утаишь. Ой, не утаишь! Узнают всему конец. Карьере кирдык! Ни один приличный человек со мной не то, что не сыграет... он с таким "шестерилой" на одном поле ... не сядет.

- Вариантов не густо. Прямо гамлетовский "Быть или не быть". И где же

тут быть и где не быть? Черт его знает, попробуй, разбери. Но ведь всегда же есть третий путь. Должна же ведь быть щель между подлостью и совестью. Что же делать? Думай, думай, думай... - Тимур сильно, словно хотел разжечь творческий огонь в охладевшем от страха мозгу, тер пальцем висок. Взгляд его прилип к указательному пальцу. Что-то смутное, неясное рождалось в его мозгу...

- Вот оно, решение! - Тимур широко раздвинул пальцы правой руки. - Вот он, третий путь. Вот она, щель. Топором по пальцам, и чем прикажете писать, гражданин начальник? Нечем! Так-то, товарищ "зверь"!

- А с музыкой что? А ничего! Рубить надо так, чтобы пальцы могли держать смычок. Скрипачом, безусловно, не стану, но на кусок хлеба заработаю...

- А боль... Какая это будет боль. Боже мой! Может, поговорить со Шпильманами? А вдруг этот разговор до Иванова дойдет. Шпильманам неприятности, а меня Иванов точно в острог закатает. - Тимур поднялся

со скамейки и направился в ближайший гастроном...

- Мама, а где это у нас кухонный топорик? - поинтересовался Тимур у матери.

- Зачем он тебе!? - удивилась мать.

- Да я ребра в универсаме купил. Хочу с картошечкой потушить.

- В шкафчике на верхней полке лежит. Только давай-ка я сама сделаю.

- Нет, мама, - отстранил ее Тимур. - Мясо дело мужское.

Топор вошел в "мясо" легко, но оказался, видимо, тупым и мало пригодным для подобных процедур, а может быть тренированные, сильные пальцы оказались ему не по острию. Они еще долго висели на посиневшей коже.

- Случись это сегодня, то мы бы тебе их в два счета пришили. И бегали бы они - лучше прежнего, - утверждал спустя несколько лет знакомый микрохирург.

Но в тот день дежурный доктор травматологического отделения первой

городской больницы отщипнул
безымянный и указательный пальцы, и они
с противным грохотом упали на дно
металлической коробки...

Одним из первых в палату к Тимуру
Благонравову явился следователь Иванов.

- Ну, что, Тимурка!? - сказал он,
противно ухмыльнувшись. - Ты думаешь,
ты герой? Нет, брат, ты не герой! Ты
беспалый мудака - вот ты кто! Я тебе сейчас
кое-что скажу, а ты заруби эти слова у себя
на носу. Если тебе, беспалый, захочется
бравировать своим геройством - мол, вот я
какой такой-сякой весь из себя, пальцы
отрубил, чтобы гэбэшным стукачом не
стать, то я тебя сразу предупреждаю... Я
тебя самолично упеку за
компрометирующие государственную
службу речи, плюс членовредительство.
Запомни - хоть одно слово. Хоть - один
намек... - Иванов закрыл за собой дверь.
От нее к кровати потянуло сибирским
холодом...

- Тимур Александрович, вы как-то просили подобрать вам надежного начальника охраны театра, не так ли? - спросил у директора театра оперы и балета Тимура Александровича Благонравова высокий чин из МВД.

- Да, да, да... конечно, конечно... - обрадовался директор.

- Ну и прекрасно... у меня как раз появилась достойная кандидатура. Специалист высшей категории. Театр будет на замке! Я представлю его вам после обеда. Часика в два... годится?

В три часа пополудни в директорский кабинет вошли двое.

- Разрешите представить вам претендента на роль нового начальника охраны, - высокий чин из МВД дружески хлопнул пришедшего с ним человека по плечу.

- Как!? Вот этого гражданина вы собираетесь назначить на должность... - директор Благонравов ткнул в человека обрубками правой кисти.

- Да, именно его... а вы что ж,

знакомы!? - поинтересовался чин.

- Кажется да... ваша фамилия, кажется, Зверев? - обратился к претенденту Благодоров.

- Иванов. Бывший полковник комитета госбезопасности, - представился претендент.

- А ну да, да, да... Иванов, Иванов. Послушайте, господин Иванов...

- Можно товарищ, - бывший полковник дружески улыбнулся.

- Хорошо, товарищ Иванов, я бы попросил вас выйти на несколько минут в приемную. У меня к (Т. Благодоров назвал фамилию высокого чина из МВД) есть несколько слов сугубо тет-а-тет.

Иванов удивленно взглянул на чиновника, а тот в свою очередь на директора. В директорских глазах прочитывалась активная решимость вытолкать "претендента" в случае неповиновения за дверь.

- Хорошо, - согласился чин. - Товарищ Иванов, пройдите пока в приемную.

- Я вас слушаю, - поинтересовался чин,

раскуривая сигарету.

- Дело в том, что я хотел бы видеть на этом месте другого человека, - Тимур Александрович был сама решимость.

- Не понимаю, - чин выпустил в потолок причудливое дымное кольцо, - чем вас не устраивает Иванов? Это один из лучших специалистов в области организации охраны и предотвращения терактов. Да это и обсуждать невозможно, ибо он утвержден не мной, а городским советом.

- Но вы же говорите, что он только претендент, - возразил ему директор Благоданов. - Значит, имеются и другие кандидатуры. Я бы хотел взглянуть и на них.

- Ну, претендент - это я так, для политесу назвал. На самом же деле он никакой не претендент, а самый что ни на есть начальник охраны. Уже и все соответствующие бумаги подписаны. А в чем, собственно, дело, уважаемый Тимур Александрович, чем он вас не устраивает? Стаж? Звание? Возраст?

- Нет - тут сугубо личный аспект, -

директор достал сигарету. - Я не хочу с ним работать по нравственным, так сказать, мотивам.

- Извините, любезный Тимур Александрович, мне не интересны ваши личные дела и нравственные пристрастия. Я знаю только одно, и оно заключается в следующем. Общественное вы должны ставить выше личного. Вы посмотрите вокруг. Терроризм поднимает голову! В такие дни каждый специалист по борьбе с ним на вес золота, а вы - личное. Простите, но вас, уважаемый Тимур Александрович, там не поймут! - чин указал в направлении правительственного здания. - Там ведь вопрос встанет - Вы или Он. И боюсь, что он решится не в вашу пользу.

- Почему это вы думаете, что не в мою... я опытный работник культуры... многое сделал для театра, города и, кажется, имею право...

- Право имеете, но не в такой обстановке, ибо она диктует суровые меры. И только такие, как Иванов, смогут вернуть нашу жизнь в нормальное русло.

- Ну знаете, если такие, как он, то я не понимаю, для чего было весь этот демократический огород городить, - возразил Т.Благонравов. - Все эти стройки-перестройки.

- Простите, Тимур Александрович, - это тема для ток-шоу, а не для государственного учреждения. Решение принято и обсуждению не подлежит. Ничего. Сработается, стерпится... Товарищ Иванов, прошу вас. - И чин открыл начальнику охраны театра Иванову дверь.

Посидев в кабинете еще минут десять, чин вышел и оставил Благонравова с бывшим следователем КГБ Ивановым наедине.

- А ты почти не изменился, Тимур. Все такой же боевитый, принципиальный. Нет, не зря говорил я когда-то, что ты наш парень. Ох, не зря!

- Вы, кажется, забываетесь, милейший. Сегодня вы находитесь у меня в кабине, а не я в вашем. Поэтому, во-первых, попрошу вас впредь называть меня на "вы" и только по имени-отчеству. Во-вторых,

реже попадаться мне на глаза.

- Ну, что вы, Тимур Александрович. Зачем же так! Сколько лет прошло! Сколько зим! Кто, как говорится, старое помянет, тому глаз вон. Я ведь против вас ничего не имел... работа у меня, видите-ли, такая была. Как в той песне - "Работа у нас такая... Жила бы страна родная и не ту других забот" - пропел Иванов. Так что вы не серчайте, Тимур Александрович... и камень из-за пазухи выкиньте. Нам ведь теперь вместе работать... одно, так сказать, дело творить. Эх, как жизнь поворачивается... я ведь вам когда-то предлагал работать вместе... вы не согласились... и видите, как все нехорошо получилось. Иванов указал на правую директорскую руку. Так что давайте хоть сейчас не дергать судьбу за усы...

- Послушай, ты! Мразь! Я тебя сейчас самого лишу пальцев, усов и головы... Понял, нет!? А теперь встал и пошел вон из кабинета.

- Тихо, тихо, Тимур Александрович. Вы же работник культуры. Держите себя в

должных границах. В чем же я виноват? Неужто в том, что у вас беда с... - Иванов указал на изуродованную руку Благонравова, - приключилась. Да не поступи вы тогда так опрометчиво, имели бы совсем другую судьбу. Знаменитым на весь мир были бы, как ваш приятель Шпильман. Помните такого? Ну, как же не знать! Пианист. Живет за границей. Лауреат. Профессор. Туры. Европа. Америка. А как же иначе. Ведь он, в отличие от вас, Тимур Александрович, пальчиков-то не рубил. Ой не рубил, а исправно на вас и на прочих ваших "товарищей" доносы писал. Да если бы только он один! Вся ваша так называемая творческая интеллигенция друг на дружку строчила ого-го-го! В прикуп не заглядывай! Кубометры леса извела ваша творческая интеллигенция... А вы говорите - за дверь.

- Врешь, негодяй! Врешь! - стукнул по столу кулаком Т. Благонравов. - Не верю ни одному твоему кгбышному слову. Не верю.

- Дело ваше, любезный Тимур Александрович. Только я ведь с вами не в детскую игру "верю - не верю", собрался играть. У меня, родной вы мой, и документики имеются. Знал ведь, с кем на встречу иду. Знал, о чем разговор наш с вами пойдет.

Вот смотрите, - Иванов достал из папки стопку бумаг. - Читайте, вспоминайте, размышляйте. Это самые что ни на есть подлинники. Не все, правда, но и этого, я полагаю, будет достаточно.

Дрожащими кулечками переворачивал страницы Благодоров.

- "Источник сообщает... Антисоветские мысли, высказывают Тимур Благодоров... Шпилька".

- "Источник сообщает... на квартире у студента Благодорова... Шпилька".

- Кто это - "Шпилька"? -
поинтересовался, закончив читать, Благодоров.

- Как кто? Шпильман, конечно. Это у него такой оперативный псевдоним был - "Шпилька". Обычно мы их давали, а этот

сам себе придумал, что говорится, вставлял "шпильки в колеса", - Иванов развязно хохотнул.

- Заткнись, идиот! - одернул его директор. - И пошел вон отсюда.

Как только за Ивановым закрылась дверь, Тимур Александрович в ту же минуту бросился к книжному шкафу. Там за административными книгами, театральными брошюрами, рабочими инструкциями и прочей дребеденью стояла у него бутылочка ямайского рома - подарок некой культурно-обменной международной организации. Тимур Александрович почти не пил, даже можно сказать, совсем не пил, за что (в дни борьбы с пьянством и алкоголизмом) и получил директорское место, но сегодня не выпить было нельзя. Уж слишком тяжела была новость.

- Лучше бы я диагноз о своей неизлечимой болезни получил, чем такие известия, - подумал Тимур Александрович, закусывая ром шоколадной конфетой. - Боже мой! Боже мой! Неужели правда?

Неужели он мог так поступить? Вот так взять и написать? "Источник - Шпилька". Не верю! Не верю!

- А с другой стороны, почему бы и нет. Ведь не только он писал. Вон "зверь" говорит, что писали массово. И поди не поверь, когда у него на руках доказательства есть. Вообще-то, не случись со мной такое, - Тимур Александрович посмотрел на свои обрубки, - я посмеялся, плюнул, да и забыл бы всю эту хренотень. Ну что сделаешь, слаб человек - непрочен. Но тут ведь совсем другое дело! Боже мой, тут совсем другой расклад. Ведь это я, чтобы на него не писать, сделал! Сохранив ему жизнь, карьеру, я свою поломал. Ведь кто бы я был сейчас. Разве бы здесь сидел. Рядом с этой падалью Ивановым. Я бы сегодня остров имел. Торчал бы там, как Робинзон, со скрипкой, без всех этих мудаков, что крутятся вокруг. Служил бы музыке. Что может быть лучше служения истинному, вечному!? А тут... Тимур Александрович - то! Тимур Александрович - это! Тимур Александрович - туда! Тимур

Александрович - оттуда...

- Вот же сука! Вот Иуда! Встреть, кажется, я его сейчас, зарубил бы собственными руками. Или лучше всего - пальцы бы ему отсек. Поиграй-ка, господин Шпилька, обрубками, а мы послушаем. Не получается? А-а-а... И у меня не получилось. -

Тимур Александрович надел шляпу, пальто и вышел на улицу.

- Куда идти? - размышлял он, стоя на четырех углах шумного проспекта. - Домой? Неохота. К друзьям? К стукачам! В храм? А там не лучшие служат. У каждого дьякона под рясой ментовской погон. В пивбар? К народу! Но там грязь и запустение. Лучше уж в одиночку. Одиноким пришел ты в этот мир, Тимур Александрович, одиноким и уйдешь из него! - Благоданравов зашел в магазин и купил бутылку водки...

- Что с тобой, Тимур?! - всплеснула руками жена. - Что с тобой? Пьяный! Боже мой, какой ты пьяный. А воняешь! Чем ты

воняешь? - жена приняхалась. -

Пальто!? Боже мой - это же бельгийское пальто. Посмотри, на что оно похоже.

Галстук!? Галстук на спине! А шляпа, где твоя шляпа? Боже, видел бы ты, на что ты похож. Возмущенно - испуганно восклицала супруга.

- Не...прав...да...а! Я пр... екра...а...а...сно вижу... на кого... я похо...ож! - возразил заплетающимся языком Тимур Александрович. - Я... похож... на мудака с обрубками! - Тимур Александрович потряс культяпками. - На мудилу с Нижнего Тагилу - вот на кого я похож! Хотел быть героем, а вышел инвалид. На инструменте вам, Тимур Александрович, ясно как Божий день, не играть. Ступайте-ка вы в культурные функционеры. А ведь кем бы я мог стать. О! О! О! Если бы не это, - Тимур Александрович потряхнул правой рукой. - суки кругом! Иуды!

- И я! - обиженно воскликнула жена.

- Нет... Ты-ы-ы дру-г-ое дело... Ты... т... да прилепится-ся жена-а-а к мужу своему. Ты свя-а-то-е... - Тимур

Александрович забормотал и минуту спустя уже храпел.

В другой бы день можно было бы сказать - сном праведника, но каков был сон у Благодного в ту ночь, то никому неведомо...

Утром не успел еще Тимур Александрович снять вычищенные женой пальто и шляпу, как в кабинете зазвонил телефон.

- Из министерства. Характерный звук. А у меня голова совсем не варит.

- Тимур Александрович, ну как поживаешь, родной? - поинтересовался зам. министра и, не дав ответить, продолжил. - Тут видишь, какое дело. Решил, знаешь ли, на Родину, в город детства с благотворительным концертом маэстро Шпильман зарулить. Шпильман, брат ты мой, это не ворона на проводах, а культурное событие! Ну, не тебе объяснять.

- Так вы не объясняйте, а говорите конкретно, - раздраженно буркнул

Благоднравов.

- А конкретно... Короче, концерт, мы думаем, лучше всего провести в твоём заведении. Во-первых, охрана у тебя в театре надёжная. Во-вторых, вы, кажется, учились вместе.

- Да, - подтвердил Т. А. Благоднравов. - Учились - не доучились...

- Ну, вот и отлично. Такая получится встреча старых друзей. Почти как у тети Вали в передаче "От всей души". Короче, готовься. Концерт намечен, - чиновник назвал дату.

- Кино! Плохая пьеса! Нет, нет, нет - так не бывает. Это мне все снится. Это похмельный синдром, - Благоднравов потер виски. - Нет, это не синдром, - на столе лежала записка с его почерком. - Такого-то числа. Такого-то месяца. Неужели реальность? Сцепились шестеренки справедливости!? Сцепились. Ну что ж... Бывает, брат Шпилька, на свете такое, чего и не снилось нашим мудрецам! - Благоднравов зябко потер ладони. - Как говорится, на ловца и зверь бежит, или как

там еще - на воре шапка горит! Welcome to родной город, мистер Шпилька. Уж не обессудьте за будущую встречу. Как говорится - глаз за глаз... Не я решил. Судьба вас ко мне привела...

Концерт удался на славу. С него шумной толпой отправились в охотничий домик. Баня. Водка. Малая Родина.

- Господа, друзья, товарищи, сегодня я играл как никогда. Ей-Богу, как никогда. Да что говорить, я уж, поверьте мне, не сыграю так больше, - вскинув бокал, признался Шпильман. - Вот что значит - играть в родных стенах. Вот что значит - играть для настоящих друзей. Виват, господа, виват!

- Тимур, друг, на брудершафт и дай я тебя облобызаю! - Шпильман нежно обнял старого приятеля. - Родной ты мой. Я так часто тебя вспоминал. Так часто. Эх, Тимур, Тимур, минули годы. Минули. Кажется, все есть! Всего достиг, а вот на тебе - чего-то не хватает. Ни родных, ни друзей. Живу на шумной Пятой авеню, а

поговорить не с кем. Веришь-нет? А помнишь, как мы болтали. Сколько планов строили. Ах, Боже ты мой, Боже! Ну, ты-то как? - поинтересовался Шпильман у Тимура Александровича.

- Да, слава Богу! Слава Богу - ничего. Скрипача не вышло. Ну, да с такими пальцами какой скрипач, - Благонравов тряхнул травмированной кистью.

- Да, да, да... - сочувственно закачал головой Шпильман.

- Не вышло - так и не вышло. Немножко преподавал. Немножко выступал. Знаешь, этакий музыкальный Павка Корчагин. Приходили смотреть как на дрессированную макаку. Мысли стали нехорошие посещать. Черт его знает, чем бы это все закончилось, но тут на счастье ли, на горе ли реформы подоспели. Старого директора за пьянку из театра выбросили, взялись нового искать, а из всех кандидатур один я непьющий. Утвердили. Работаю. Зарплату получаю регулярно. Можно сказать, счастлив, но живу, поверь, одними воспоминаниями. Ведь как все

должно было быть, но не сложилось, не вышло. Кто виноват? Никто не виноват. Так фишки упали.

- Да, да, да... - закачал головой Шпильман. - Не буду тебе ничего говорить. Не буду утешать. Ибо не знаю я слов утешения. И все, что ни скажу - патетика и пафос, а я их терпеть не могу. Встречаю в газетах о себе: великий пианист современности! Повелитель клавиш! Господи, какой я повелитель. Какой я великий Великий?! Посмотри на меня - метр с шапкой. Я просто хорошо выполняю свою работу. Вот и все. Что ж тут великого, скажите мне, друзья? - обратился Шпильман к гостям вечера.

- Ну, ну, ну... - загалдели присутствующие. - Таких, как вы, пианистов в мире единицы, а может даже и один. Первый среди многих - разве не величие?

- Ну уж, первый! Я вам с десятков имен могу назвать, - возразил Шпильман.

- Не скромничайте, маэстро. Не скромничайте, - встряла в разговор

ведущая солистка театра. - Я где-то читала, что ваши пальцы застрахованы на миллионы долларов. А вы говорите, как все. Всем, милый мой, пальцы на "лимоны" не страхуют...

Вечер подошел к концу. Многие разъехались, некоторые, в том числе Благодоров и Шпильман, остались ночевать в домике.

- Тимур Александрович, я вам постелила на втором этаже. Пойдемте, я вас провожу, - горничная поднялась на ступеньки.

- Нет, нет и нет! - возразил Шпильман. - Мы будем спать в одной комнате. Горничная криво ухмыльнулась.

- Попрошу без намеков, - шутливо погрозил ей пальцем Шпильман. - Мы будем спать по-дружески, по-мужски. Правда, Тимур. Пойдем. Я вот и бутылочку прихватил. Посидим еще, посудачим.

Но ни посидеть, ни посудачить не удалось. После первой же рюмки Шпильман закивал носом и вскоре вдохновенно захрапел.

- Что значит музыкант, - усмехнулся

Благонравов. - У него даже храп похож на сонату...

Вскоре соната сошла на менуэт и вовсе стихла. В домике стало тихо. Только за окном скрипели деревья, да изредка вскрикивала ночная птица.

Благонравов погасил сигарету и вышел в прихожую. Из своего рюкзака он вытащил старый кухонный топорик.

- Привет, дружище! - Тимур Александрович подбросил топор. Потолочная лампочка спрыгнула с его тусклого лезвия. - Тряхнем стариной? Не забыл еще, как это делается? Щелк и нет пальчиков. Говорят, что они у него в миллионы оценены. Ну, тем и лучше. Ты станешь великим топором! Не всякому, брат, выпадает такая честь. Тебя, еще станет, в музей упекут. А хозяина твоего новым Сальери объявят! Как говорится - не мытьем, так катаньем в историю попадем.

Тимур Александрович вернулся в комнату. Зажег настольную лампу и положил безвольную, спящую правую руку "клавишного укротителя" Шпильмана на

прикроватную тумбочку.

- Ну вот, друг Шпилька, пришла расплата, - глядя на длинные, точно выточенные прекрасным мастером пальцы, качал головой Благодоров. - Думал ли ты, когда писал доносы, что у тебя может отсохнуть рука, или что ее могут отрубить? Нет, уверен, что не думал. Ты думал - пусть отсохнет чья-нибудь, но не моя. Мои, мол, руки принадлежат вечности и ради этого можно пожертвовать сотнями чужих рук! Ты скажешь, что это пафос, патетика, что ты этого не любишь! И я не люблю, друг ты мой ситный. Не люблю. Поэтому ближе, что называется, к конечностям.

Благодоров провел пальцем по лезвию топора. Затем по Шпильмановской тыльной стороне ладони. Морщинистая кожа с едва проступающими желтоватыми пятнами - знаками надвигающейся старости.

- У меня точно такие же, - Благодоров вздохнул. - Жена все говорит, чтобы я их мазал какой-то импортной мазью. А! Мажь, не мажь - все одно на сухой лес

выглядишь...

- Пятна пятнами, а пальцы у него что надо. Прекрасные пальцы... А что он сегодня ими вытворял... ну нет слов, что вытворял. Смотришь на них и думаешь. Ну не может быть, чтобы вот эти прекрасные пальцы могли доносы писать. Стаккато извлекать пожалуйста, но доносы... Ну не верю! Хоть убей, не верю.

- Да брось ты, - толкнул в руку Благонравова чей-то голос. - Он писал. Он, и бумажки ты эти видел. Его почерк? Его. Так что тут думать! Секи и делу конец!

- Не могу. Не могу. Не верю. Не могли такие пальцы доносы писать. Не могли. Это все "зверь" подстроил. Себя выгораживал. Не верю! - возразил Благонравов и положил топор к себе на колени.

- А я говорю, руби! Руби, дурак. Секи, олух! Зуб за зуб! Палец за палец! Руби!

- Нет! - крикнул в ответ Т.А.Благонравов.

Шпильман зашевелился.

- А я говорю, руби суку! - гаркнул голос.

- Нет! - затопал ногами Благоднравов и со всей отмаши рубанул топором себя по пальцам. - Нет!

Топор с грохотом упал на паркет. Благоднравову показалось, что и от его крика и от топорного грохота закачался, грозя обрушиться, крепкий охотничий домик. Но дом выстоял. Вскоре в нем захлопали двери, затопали ноги, запричитали женские голоса...

Карета скорой помощи увезла Тимура Александровича Благоднравова в травматологическое отделение первой городской больницы.

Дежурный хирург щелкнул ножницами, и Благоднравовские пальцы с противным грохотом упали в металлическую коробку...